

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Босс,
наркоз
и любопытный нос

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Босс, наркоз и любопытный нос

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Босс, наркоз и любопытный нос / Н. Н. Александрова —
«Эксмо», 2019 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Надежда Лебедева – неисправима, и так считают не только ее супруг Сан Саныч и любимый кот Бейсик, но и все знакомые. Вот сколько можно изображать из себя детектива-любителя и мисс Марпл в одном флаконе, сколько можно влезать в различные криминальные неприятности! Так и в этот раз – долгожданный отпуск в Карелии закончился, не успев начаться, а все потому, что при загадочных обстоятельствах умирает Надин знакомый. И пошло-поехало – Лебедева снова берется за расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н. Н., 2019
© Эксмо, 2019

Наталья Александрова

Босс, наркоз и любопытный нос

© Александрова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«Ну, все! – подумала Надежда и расслабила лицо, чтобы дать отдых мышцам. – Вот теперь – все!»

Она прищурилась, глядя вслед уезжающей машине. Подняла руку, чтобы помахать, но передумала и провела рукой по лицу, хотелось разгладить его, потому что челюсти заостенели от постоянной улыбки. Вот машина скрылась за поворотом. Надежда развернулась на пятках и пошла назад, держа спину неестественно прямо. Нет, ну какое свинство! Какое сказочное свинство!

Она почувствовала, что буквально задыхается от злости. Очевидно, это чувство проступило на лице, потому что встречный мужчина шархнул в сторону.

Надежда не обратила на него внимания, а он, пройдя несколько шагов, оглянулся и пристально посмотрел ей вслед.

Надежда все убыстряла ход и теперь почти бежала. Подумать только, как все хорошо начиналось!

Они с мужем давно собирались отдохнуть. То есть Надежде-то отдыхать было особенно не от чего, она давно не работала и занималась домашним хозяйством, а также воспитанием кота. Иное дело муж. Он много работал, чтобы создать мало-мальски сносную жизнь для своей любимой жены Надежды и кота Бейсика.

Надежда-то знала в душе, что на самом деле на первом месте у мужа кот. Когда она была мужем недовольна, то в сердцах восклицала, что он и женился-то на ней из-за кота – дескать, чтобы быть рядом с любимым существом. В первое время муж жарко уверял ее в обратном, потом только посмеивался, потом просто не реагировал. Так или иначе, кот занимал в сердце мужа едва ли не первое место.

Муж был человек выдержанный и неконфликтный, Надежда свой долг жены и хранительницы домашнего очага понимала, но иногда ей становилось ужасно скучно без работы. Голову нечем было занять. Было у нее, правда, одно увлечение, но об этом после.

Итак, наступила весна, а весной, как известно, организм ослаблен, и нужно ему помочь. То есть весной, в мае, хорошо бы съездить в отпуск, хотя бы дней на десять.

Надежда Николаевна давно хотела на теплое море. Ну и заодно поглядеть на красивое. Идеально подходила к ее желаниям Италия – там-то уж везде есть на что посмотреть. Муж был с ней вроде бы согласен, она уж и путевки приглядела, и билеты на самолет забронировала через Интернет на начало июня.

И тут все изменилось. Муж пришел как-то пораньше, принес бутылку хорошего вина, сказал, что первый этап крупного заказа они благополучно сдали и что руководство фирмы премировало некоторых сотрудников путевками в пансионат на Карельском перешейке. Как раз через три дня заезд.

Надежда оторопела – вместо Италии мы должны ехать в какую-то дыру, чтобы жить в крошечной неудобной комнатке, где пахнет прошлыми жильцами, и постельное белье вечно серое, и постоянные перебои с горячей водой?

– Ну, Надя, – рассмеялся муж, – у тебя доисторические представления! Ты описываешь дом отдыха советских времен! Причем и тогда не все были такие!

– Да? – агрессивно возразила Надежда. – А клейкая манная каша на завтрак? А вечно подгорелая творожная запеканка на ужин? А массовик-затейник с красным носом и танцы под аккордеон?

Тут она поперхнулась, потому что поняла, что несколько переборщила. Муж вытащил из портфеля красочный проспект, где на восьми страницах рассказывалось, какой замечательный отдых их ожидает в новом пансионате «Соната».

– Небольшие уютные коттеджи живописно разбросаны среди сосен, – с выражением зачитывал Сан Саныч, – пансионат расположен на берегу чистейшего озера, отдыхающим предоставляются в прокате лодки и водяные велосипеды. Имеются три ресторана – японской, итальянской и русской кухни. Недалеко расположена конюшня – о, можно будет покататься на лошадях! В коттеджах имеются ванна, массажный душ и сауна. Завтрак и ужин можно заказывать в номер. А можно самим ходить в столовую. Так... ну тут еще бильярд, настольный теннис и библиотека. Да, корт для большого тенниса тоже есть.

– Только корта мне и не хватало для полного счастья, – проворчала Надежда, сдаваясь.

– И еще фирма все оплатит! Поедем, Надя, что там эта Италия! Народу в отеле полно, а на экскурсиях таскайся целый день на жаре по этим развалинам! Надя, я устал, покоя хочется. Только представь – будем гулять по тихому лесу, вечерами на озеро глядеть. Купаться-то еще рано, но лодку возьмем!

Разумеется, она согласилась. Ведь главное – это чтобы муж как следует отдохнул. Тем более что погода установилась прекрасная, прямо летняя, цвели сирень и каштаны, Надеждина мать окончательно перебралась на дачу и согласилась взять с собой Бейсика, в противном случае муж не оставил бы своего ненаглядного кота чужим людям.

Надо сказать, что не всякий бы и согласился взять к себе это рыжее чудовище. Муж разбаловал котиху до неприличия, даже мать с ее твердым характером с трудом справлялась с рыжим разбойником.

Впрочем, на даче кот ходил где вздумается и гулял сам по себе. Охотился на мышей и кротов, а также пытался поймать птичку. Раньше у него это получалось отлично, теперь же кот стал несколько медлителен, Надежда утверждала, что это от лишнего веса. Так или иначе, но птичкам больше ничего не грозило.

Надежда отменила бронь на билеты, купила новое летнее платье и позвонила близкой подруге Алке, что уезжает. Алка отнеслась к такому отдыху скептически, на что Надежда обещала пригласить ее в гости – пускай, мол, их навестит и поглядит все сама.

Пансионат оказался приличным, проспекты не наврали. Чистенький уютный коттедж, две кровати и белье постельное новое, в мелкую розовую клеточку.

Они выехали из города пораньше, так что впереди был почти целый день. Погода была отличная, светило солнышко, голубое небо отражалось в озере. Муж пару раз кивнул издалека своим сотрудникам, которые тоже здесь отдыхали. Люди были Надежде незнакомые, она была рада, что не нужно вступать в беседу.

Озеро оказалось довольно большим и называлось Окуневое. Берега его густо заросли камышом, но у пансионата был свой пляж. Вода, конечно, была еще холодная, но сидеть на бережку было приятно. Они пообедали в итальянском ресторане, потом муж поспал немного в шезлонге, а Надежда разобрала вещи. Возле коттеджа цвел куст белой сирени. Глядя на шмеля, хлопотливо перебиравшегося с цветка на цветок, Надежда ощутила, что счастлива.

Неприятности начались утром после завтрака. Мужу позвонили с работы. Он поговорил немного, отключился и улыбнулся Надежде – все, мол, хорошо, не волнуйся, мелкие недостатки.

– На пляж пойдем или в лес? – спросила она.

– Да-да, сейчас... – рассеянно ответил муж.

Далее звонки раздавались примерно минут через двадцать. Разговоры продолжались все дольше, муж все больше мрачнел, отходил в сторону, говорил так, чтобы Надежда ничего не смогла разобрать.

Они никуда не пошли, так и сидели в коттедже. Надежда потихоньку накалялась.

В самом деле, отчего не могут человека на отдыхе оставить в покое? Пожар у них там, что ли?

В конце концов, муж вышел к Надежде на террасу с самым решительным выражением лица.

– Надя, ничего не поделаешь, я должен ехать! Система забарахлила, без меня они ее никак не наладят. А послезавтра снова приедут заказчики, мы просто не можем отложить эту встречу! Если сейчас начнутся сбои, они могут задержать финансирование, и тогда мы не сможем закончить второй этап в срок!

– Как – ехать? – оторопела Надежда, – ведь ты же... мы только приехали, я вещи разобрала...

Она посмотрела мужу в глаза и увидела, что он все уже решил. Даже если сейчас она устроит истерику, станет бить посуду и кататься по полу, это ничего не изменит. Тем более что она понятия не имела, как это – устроить истерику, никогда в жизни этим не занималась. А посуда не своя, за нее потом вычтут, опять же неудобно.

Муж, убедившись, что она не собирается орать, тут же заговорил быстро и многословно. Это совсем ненадолго, он просто съездит в город, посмотрит, что там у них творится, быстренько разрулит ситуацию и вернется сегодня вечером. Ну, в крайнем случае завтра утром. А она тут пока отдохнет, погуляет, вечером можно телевизор посмотреть или книжку почитать на террасе. А завтра он встанет рано-рано и приедет к завтраку. Это точно.

Надежда поняла, что сопротивление бесполезно. Ведь это его Работа. Что может быть важнее? Только здоровье любимого кота. Ну, конечно, если бы Надежда вот тут прямо повалилась на пол и впала в кому, муж бы, наверно, заколебался. Но она не собирается падать, она вообще женщина, весьма твердо стоящая на ногах.

Именно поэтому муж может так себя вести.

Муж воспользовался ее молчанием и быстренько собрался. За эти десять минут Надежда взяла себя в руки и сумела даже скроить губы в улыбку. Конечно, не слишком приветливую, но муж предпочел не вглядываться.

Семейная жизнь научила Надежду нескольким постулатам. Один из них был: не ссориться перед разлукой. Потому что человек поедет с мыслью о том, как его обозвали на прощание, как поглядели злобно, чем упрекнули, и будет мысленно возражать, оправдываться, упрекать в ответ и в результате может попасть в аварию. Нет, пускай уж едет спокойно, себе дорожке обойдется, если, не дай бог, что случится.

Она проводила мужа до стоянки машин, сохраняя на лице ту же улыбку, позволила себя поцеловать и поглядела ему вслед. И только потом дала волю своему гневу.

Нет, ну что же это такое, в самом деле! Бросил ее тут одну, как последнюю дуру. Нет, нужно было лететь в Италию, оттуда бы его не вызвали.

И что прикажете делать теперь весь день? В бильярд играть или в настольный теннис? Все отдыхающие парами или компаниями, одна она как неприкаянная болтается.

Тут Надежда заметила вывеску. Кафе-бар «Веселый окунь». На вывеске была изображена рыба в морской фуражке. Само строение было одноэтажное, низкое, но не производило впечатления забегаловки. Впрочем, здесь вообще место приличное. Несколько столиков были расставлены на улице под полосатым тентом.

Надежда замедлила шаги и оглянулась по сторонам. Никого не было рядом. Тогда она решила зайти в бар. Конечно, спиртное с утра пораньше – это уж последнее дело, но раз написано «кафе-бар», то уж кофе-то, наверное, тут варят. А ей, Надежде, просто необходимо поси-

деть в тишине и успокоиться, потому что ходить с такой мордой по пансионату неприлично – люди шарахаются.

Веселый окунь на вывеске подмигивал Надежде зазывно и жизнерадостно, это решило дело.

Внутри было темновато и довольно прохладно. Посетителей почти не было – парочка среднего возраста пила пиво, да в углу скучал унылый тип с прилизанными волосами. Бармен за стойкой читал газету.

– Что желаете? – Он поднял голову и улыбнулся Надежде как окунь на вывеске.

Выяснилось, что кофе имеется только эспрессо, Надежда попросила двойную порцию и мужественно отказалась от сливок. Зато к кофе подавали крошечную шоколадку. После нескольких глотков злость отступила, и Надежда смогла подумать о сложившейся ситуации если не с юмором, то без зубовного скрежета.

Приходилось признать, что муж ее обманул. Он прекрасно знал, точнее, подозревал, что на работе могут возникнуть сложности, и поэтому решил не уезжать далеко. И она, Надежда, пошла у него на поводу, а что еще оставалось делать? И теперь она сидит здесь одна, как полная дура, вместо того чтобы пользоваться хорошей погодой и отдыхать. Это надо прекратить. А то еще знакомые узнают, что она среди бела дня расслаживается по барам, будет неудобно.

– Вы позволите к вам подсесть? – послышался мужской голос.

«Начинается, – мысленно вздохнула Надежда Николаевна, – вот что ожидает одинокую женщину в сомнительном баре – приставания разной шантрапы».

Она буркнула, не поднимая головы:

– Слушайте, шли бы вы мимо! Вон вокруг столиков пустых сколько угодно!

– Гм... – неуверенно произнес голос, – извините меня... но... мы ведь встречались раньше...

Ну, конечно, это такой способ знакомства. Старый как мир!

– Ага, встречались, – прошипела Надежда, – на Лазурном Берегу или в Куршавеле вместе катались. Только я вас не помню.

Он фыркнул и без разрешения сел за столик.

– Слушайте, что вы себе позволяете? – возмутилась Надежда.

– Надя, ты меня не узнаешь? – спросил мужчина знакомым голосом.

И тогда она наконец соизволила на него посмотреть. Ничего себе мужчина – одет вроде бы прилично, летние брюки, поло с крокодилчиком на кармашке, подстрижен аккуратно, выбрит чисто. Одна беда: Надежда его впервые видит.

– Простите, – твердо сказала она, – вы ошиблись.

– Ничего я не ошибся, ты... вы – Надежда... – Он назвал ее девичью фамилию, которую Надежда Николаевна не слышала так давно, что уже начала забывать.

– Ну... когда-то я была ею... – согласилась она, – но...

– Я Шубин, Владимир Шубин, мы учились с тобой в ЛЭТИ.

– Шубин? – недоверчиво прищурилась Надежда. – Помню Шубина...

У нее была очень хорошая память на лица. И на имена-фамилии тоже. Так что сейчас перед глазами встал худенький темноволосый мальчик, волосы прямые на косой пробор, глаза чуть узковатые, как бы прищуренные... Откуда-то он был с юга... Но жил не в общежитии, а у родственников, что ли... Он проучился у них в группе всего год, а потом не сдал сессию, и его отчислили. Как-то это все прошло незаметно, не успела группа с ним подружиться.

Надежда еще раз внимательно поглядела на своего визави. Так, глаза вроде бы похожи. Волосы теперь седоватые, и стало их ощутимо меньше. И голос, голос тот же – модуляция, слова растягивает на конце. Но все-таки как же он изменился...

– Слушай, я бы тебя ни за что не узнала, – честно сказала Надежда, – столько лет прошло.

– Вот те нате, конь в Сенате, – сказал он, и тут Надежда вспомнила.

Ну, конечно, это он, Володька Шубин, это его такая странная присказка. Тогда, на первом курсе, они очень удивлялись – при чем тут конь-то? И Надежда не поленилась и выяснила в библиотеке, что римский император Калигула ввел в Сенат своего коня, как полноправного члена этого высшего органа власти. Коня звали Инцитат, он стал римским сенатором и выгодно отличался от остальных сенаторов тем, что никогда не брал взяток и не давал глупых советов.

– Ну, точно, это ты, Шубин!

Он улыбнулся грустно. Улыбка у него была какая-то странная – левый угол рта загибался кверху, а правый – книзу. Но вот он повернул голову, махнул рукой бармену, и Надежда окончательно уверилась – точно он, Шубин. Его жест, знакомый.

– Вот так встреча... – протянула Надежда, – ну, как живешь? Что поделываешь?

Что ж, подумала она, это даже неплохо, что она встретила тут старого знакомого. Будет хоть с кем словом перемолвиться. Так, за приятной беседой время быстро пройдет. Можно еще прогуляться. Тем более что Шубин сам к ней подошел, она не навязывалась.

Бармен принес кофе и конфеты – две штуки, огромные, не то «Гулливер», не то «Красная Шапочка». Надежда, повинаясь приглашающему жесту Шубина, развернула одну, стараясь двигаться медленно, неторопливо. Конфета пахла свежим шоколадом и на вкус оказалась вполне приличной. Внутри была хрустящая вафля. Надежда вспомнила, что дала себе слово ограничить сладкое, но тут же подавила эту мысль в зародыше. В конце концов, у нее стресс – муж уехал.

– Давно ты сюда приехал? – начала она светскую беседу, отхлебнув кофе.

– Я... Надя, – он взглянул ей в глаза, – хорошо, что я тебя встретил. Это просто... ну, дар небес, что ли...

И видя, что Надежда недоуменно подняла брови, Шубин заторопился:

– Ты не подумай, что я ненормальный... но... совершенно не с кем посоветоваться. А ты, ты – женщина опытная.

– Что ты имеешь в виду? – напряглась Надежда.

– Ты разбираешься в разных непонятных вещах и любишь расследовать криминальные истории.

– И кто же тебе такого наговорил? – деревянным голосом осведомилась Надежда.

Вот оно, начинается! Сбылись самые страшные ее опасения – по знакомым ходят слухи о ее интересе ко всевозможного вида преступлениям и криминальным историям. И ладно бы в книжках про это читала, так нет, она норовит влезть в расследование. А это чревато опасностями, и бывало так уже не раз.

Именно так рассуждает ее муж Сан Саныч, поэтому Надежда дала ему слово, что больше никогда, ни за что на свете не станет ввязываться в криминал. Мимо пройдет, даже если на ее дороге труп окажется! И с тех пор она тщательно следила, чтобы муж ничего не узнал, а то ей, Надежде, мало не покажется.

И вот, пожалуйста, с этим Шубиным не виделись они... дай бог памяти... уж лет тридцать, а он полностью в курсе ее тайного увлечения! Нет, это ни в какие ворота не лезет!

– Откуда ты узнал? – буркнула Надежда. – Кто тебя информировал?

– Я... мы тут общались с Люсей Симаковой...

– Ах, с Люсей...

Люська была старая институтская подруга, виделись они нечасто, но все же поддерживали связь. И как раз недавно случилось у них общее приключение (см. роман Н. Александровой «Браслет императрицы»). Просила же ее Надежда не болтать попусту! Так нет, язык у Люски впереди головы бежит!

Надежда хотела рявкнуть на Шубина, что ничего не знает, не понимает, о чем он говорит, и уйти, но вовремя опомнилась. Человек ведь ни в чем не виноват, тем более что, похоже,

у него и правда неприятности. Какой-то он как в воду опущенный, нервный, у бармена что-то там упало, так Шубин так дернулся. Вздрыгнул и в лице переменялся.

В конце концов, ничего не случится, если она выслушает человека, все-таки они так давно знакомы.

– Надя, мне просто не к кому обратиться, – бормотал Шубин, – здесь тоска такая...

«Это верно, – подумала Надежда, – мне вот одной тоже скучно. Стало быть, Володя тоже приехал один, раз посоветоваться не с кем».

– Что случилось? – как можно мягче спросила она. – У тебя неприятности?

– Понимаешь, со мной происходят странные вещи... – Он замолчал, нервно помешивая остывший кофе.

Надежда машинально потянулась к конфете и обнаружила, что давно ее съела. Ну, надо же, а она и не заметила.

– Какие-то люди... я часто вижу одни и те же лица... – бормотал Шубин, – и еще бывает так, что вот я точно знаю, что видел этого человека раньше, но вспомнить где – не могу, хоть убей...

– Бывает... – неопределенно сказала Надежда.

– Только не подумай, что я алкоголик, – усмехнулся Шубин, – честно тебе скажу: не то чтобы в рот не беру спиртного, но и не увлекаюсь. Так, бокал сухого вина за ужином, и то не всегда... Крепкие напитки не употребляю. И пива не пью.

– Да я ничего такого... – сказала Надежда, хотя именно это и подумала.

– Понимаю, что кажусь тебе не совсем адекватным, – продолжал Шубин, – но когда ты узнаешь подробности...

Тут у него в кармане заиграла музыка – танец с саблями Хачатуряна. Шубин поморщился, когда взглянул на дисплей, но все же нажал кнопку ответа.

– Да! – сказал он, – Шубин слушает. Что-о? – Брови его полезли вверх. – Вы не ошибаетесь?

Он вскочил из-за стола, с грохотом опрокинув стул.

– Но вы понимаете, что это не может быть простым совпадением?

Тут он заметил, что Надежда смотрит на него, вытаращив глаза.

– Надя, извини, – сказал он, прикрыв трубку, – мне сейчас некогда. Я не могу разговаривать. Давай встретимся здесь же сегодня вечером. Часов в шесть, подходит?

– Но я... – Надежда несколько задержалась с ответом, но Шубин уже махнул рукой и удалился быстрыми шагами, сунув по дороге деньги бармену.

Надежда только ошарашенно покрутила головой. Ну и ну! Сам же привязался к ней с непонятными разговорами и сам же ушел. Да еще свидание назначил. Вот больше ей делать нечего, как встречаться с посторонними мужчинами в баре!

Она допила остывший кофе, подкрасила губы и спросила бармена, сколько ему должна.

– За все заплачено, – улыбнулся тот.

Надежда оглядела нетронутый шубинский кофе и конфету. Красная Шапочка развратно улыбалась с обертки.

«Не дождетесь!» – Надежда Николаевна стиснула зубы и ушла прочь, оставив конфету на милость врагу: она ведь дала себе слово ограничивать сладкое.

День прошел бестолково. На обед Надежда не пошла – после сладкого есть не хотелось совершенно. Она посидела в шезлонге на террасе, но было скучно. Хотела было прогуляться до конюшни, но вспомнила, что забыла в коттедже мобильник. Это нехорошо, может позвонить муж. Пришлось возвращаться, а потом пропало желание гулять. В общем, полдня она промаялась дурью, а поскольку такое времяпрепровождение было для Надежды нехарактерно, настроение ее резко упало.

Она пробовала подумать. Надо или не надо ей идти на встречу с Шубиным? В конце концов, они не виделись лет тридцать, она понятия не имеет, что с ним случилось за эти тридцать лет, кто он по профессии, есть ли у него семья. С виду он вроде бы человек приличный – одет чисто, вещи достаточно дорогие, подстрижен аккуратно, в общем, на алкоголика не похож.

Тогда дело может быть хуже, он просто болен. Потому что эти его слова насчет непонятных вещей и незнакомых людей... То есть вроде бы люди знакомые, но он их не узнает.

А если что-то у человека с головой, то Надежда-то что может? Она не психиатр и не психоаналитик, какие уж тут советы...

Но, однако, вспомнив о Люсе Симаковой, Надежда слегка усовестилась. Люська, конечно, болтушка, но не дура. И в людях разбирается. И если рассказала она Шубину про Надежду, то, стало быть, посчитала его достойным доверия человеком. Но все-таки надо бы до Люски добратсья, чтобы не трепалась кому ни попадя...

В шесть часов ноги сами привели Надежду в бар.

Там было почти пусто: погода стояла чудесная, и все отдыхающие проводили время в лесу или на берегу озера. В полутемном помещении сидел только тот же самый, что и утром, унылый тип с зализанными бесцветными волосами, да бармен откровенно скучал, в сотый раз перетирая чистые бокалы.

При виде Надежды он оживился и радостно сообщил, что сегодня у него акция – скидка двадцать процентов на все коктейли. Надежда подумала, что просто обязана попробовать какой-нибудь коктейль. Во-первых, для кофе было уже поздновато, после кофе будет не заснуть, а сидеть за пустым столиком как-то неприлично. Во-вторых, грех не воспользоваться скидкой. И, в-третьих, она же, в конце концов, на отдыхе, значит, нужно прожигать жизнь.

Просмотрев карту коктейлей, она остановила свой выбор на «Весеннем настроении». Это название показалось ей достаточно жизнерадостным, кроме того, оно вполне соответствовало сезону. И наконец, ей отчего-то показалось, что коктейль под таким названием не должен быть чересчур крепким.

– Прекрасный выбор! – заявил бармен с неестественным энтузиазмом и принялся колдовать над коктейлем.

Надежда не поняла, что он туда намешал, но коктейль оказался розоватой сладенькой водичкой, больше всего напоминающей разбавленный клубничный компот. Ну что ж, довольно вкусно и, по крайней мере, ничуть не опасно. Надежда Николаевна неторопливо потягивала его через соломинку и смотрела на дверь, ожидая, когда же наконец появится Шубин.

Он все не приходил и не приходил.

Наконец коктейль кончился. Надежда хотела уже уйти, но бармен, этот змей-искуситель, сообщил, что на второй коктейль скидка уже тридцать процентов.

– А почему бы и нет? – решительно проговорила Надежда, и перед ней появился еще один бокал «Весеннего настроения».

Когда закончился и он, Надежда взглянула на часы.

Было уже без четверти семь.

– Это просто ни в какие ворота не лезет! – пробормотала Надежда Николаевна, имея в виду поведение Шубина.

В самом деле – назначил даме, можно сказать, свидание, а сам не явился! Нет, это действительно ни в какие ворота... приличные мужчины так не поступают...

– Что, вам совершенно не понравился мой коктейль? – расстроился бармен.

– Да нет, коктейль был очень вкусный, – успокоила его Надежда, – это я о своем...

Она встала из-за стола...

И полутемное помещение бара поплыло перед ее глазами. «Весеннее настроение» оказалось обманчивым: на первый взгляд сладенькая водичка, а результат вполне ощутимый...

Стараясь не упасть лицом в грязь перед барменом (причем в самом что ни на есть буквальном смысле), Надежда Николаевна пересекла полутемное пространство и выбралась на улицу.

На свежем воздухе ей стало немного легче, и она пошла по дорожке в сторону озера, стараясь держаться прямо и мечтая только об одном: не встретить никого из знакомых. А то ведь потом стыда не оберешься – пойдут разговоры, что, как только уехал муж, она напилась до поросячьего визга... Распишут ее мужу во всей красе, придумают, чего и не было... ой, как нехорошо...

Так она шла минут десять и вдруг увидела прямо перед собой коттедж. Коттедж был самый обычный, такой же, как у них с мужем. Над входом у него был номер – тринадцатый.

И тут она вспомнила, как Володя Шубин между делом сообщил ей, что живет в этом самом коттедже с несчастливым номером.

Если бы Надежда Николаевна была в обычном своем, трезвом и рассудительном, настроении, она бы, не задумываясь, прошла мимо злополучного коттеджа и отправилась бы, допустим, на берег озера, как все нормальные отдыхающие. Или, на худой конец, в библиотеку пансионата, как некоторые менее нормальные. И тогда ее жизнь, по крайней мере, ее ближайшая часть, пошла бы по другому, более спокойному и безопасному сценарию. Но коварный коктейль «Весеннее настроение» сыграл с ней злую шутку.

Под действием коварного коктейля Надежда подумала, что должна немедленно навестить Шубина и заявить ему со всей определенностью, что она думает о мужчинах, которые назначают даме встречу, а сами на эту встречу не являются. И вообще какой-то он странный. Надо с ним разобраться.

С такой мыслью она поднялась на крыльцо и постучала в дверь.

На ее стук никто не ответил.

Тут Надежда Николаевна решила, что Шубина нет дома, что он отправился на озеро (как все нормальные... и т. д.), где совершенно забыл об их договоренности.

Она хотела уже развернуться и уйти, но тут заметила, что дверь тринадцатого коттеджа слегка приоткрыта.

Мы живем не в законопослушной Скандинавии, где, как говорят, можно вовсе не запираť дверей. У нашего человека выработался уже безусловный рефлекс запираť дверь на все замки, даже уходя из дому на пять минут. Поэтому приоткрытая дверь коттеджа могла значить только одно – что Шубин дома.

Тут коварный коктейль снова вскипел в крови Надежды Николаевны, она распахнула дверь и вошла в коттедж, чтобы высказать безответственному Шубину все, что о нем думает.

В прихожей никого не было. Надежда, не задерживаясь на пороге, прошла в комнату и тут увидела Шубина. Владимир сидел в кресле, спиной к двери, точнее, полулежал, уронив голову на левое плечо, и никак не реагировал на ее появление.

– Знаешь что, дорогой?! – выпалила Надежда в его чуть сутулую спину. – Порядочные люди так не поступают! Я, как круглая дура, пришла в бар к шести часам, сидела там совершенно одна, выпила этот ужасный весенний коктейль, от которого у меня теперь все плывет перед глазами и шумит в голове... или, кажется, даже два... но это, собственно, неважно... важно, что ты поступил со мной по-свински! По-хамски!.. Порядочные люди так... ну да, я это уже говорила...

Под воздействием все того же коктейля мысли у нее в голове предательски путались, и Надежда Николаевна забыла, что она только что хотела сказать Шубину. Она хотела высказать ему свое возмущение... свое негодование...

Но Шубин сидел в прежней позе, он даже не повернулся к Надежде лицом. Это уже переходило всякие границы. Такого отношения Надежда Николаевна не могла ему простить.

– Да ты меня даже не слушаешь! – воскликнула она, подошла к Шубину и тряхнула его за плечо.

Любой другой на его месте вскочил бы от неожиданности, вскрикнул, замахал руками или еще как-то выразил бы свое отношение, но Шубин только покачнулся, и его голова перекаtilась с левого плеча на правое, как перезрелый арбуз.

Только теперь Надежда Николаевна почувствовала, что с ним что-то неладно.

Она обошла кресло и взглянула Шубину в лицо.

И тут она окончательно и бесповоротно протрезвела.

Лицо у Владимира Шубина было, прямо скажем, жуткое. Ужасное лицо. Оно было неживого землисто-серого оттенка, рот полуоткрыт, глаза широко открыты, но без всякого в них выражения. Пустые, тусклые, мертвые глаза.

И сам Шубин – наконец Надежда это осознала – был, безусловно и несомненно, мертв.

– Мама! – проговорила Надежда Николаевна чужим хриплым голосом и попятилась.

Любая другая женщина на ее месте тут же бросилась бы наутек и постаралась бы забыть обо всем, что видела в коттедже номер тринадцать. У любой другой женщины все мысли вылетели бы из головы, сменившись животным страхом. Но Надежда Николаевна Лебедева была женщина необычная, она не сбежала, более того – в голове у нее возникли целых две мысли.

Правда, первая ее мысль была довольно глупая и неуместная. Она подумала, что Шубин не так уж виноват, что заставил ее проторчать целый час в баре. Личная смерть – это, безусловно, уважительная причина для неявки.

Вторая мысль была более разумной: Надежда решила проверить свое первое впечатление и убедиться, что ее бывший однокашник действительно мертв. Хотя он выглядел стопроцентным покойником, но Надежда, в конце концов, не врач и не может ставить диагноз только на основании собственного впечатления.

Поэтому она осторожно и испуганно взяла руку Шубина, чтобы проверить его пульс...

Рука была холодная и совершенно неживая. Пульса не было, во всяком случае, Надежда не смогла его нащупать.

Чтобы отбросить последние сомнения, она решила проверить пульс еще и на шее – от кого-то она слышала или где-то читала, что там легче его найти.

Дрожащими руками она приподняла подбородок Шубина и ощупала его шею. Пульс она не нашла, зато увидела на шее мертвеца подозрительные темно-синие пятна.

– Мама! – повторила Надежда незнакомым голосом.

Она перестала сомневаться в том, что Шубин мертв, более того – она уверилась в том, что он убит. И тут наконец ее посетила первая разумная мысль, и Надежда потянулась к телефону.

На столе у Шубина точно так же, как и в коттедже у самой Надежды Николаевны, стоял обычный проводной телефон, по которому в случае необходимости можно было связаться с администрацией пансионата и прочими его службами. И сейчас, безусловно, был как раз случай острой необходимости. Во всяком случае, Надежда не могла и не хотела оставаться наедине с покойником.

Она поднесла телефонную трубку к уху и хотела было набрать номер, напечатанный на проспекте, но тут поняла, что телефон не работает, что из трубки не доносится ни звука.

Надежда не отступилась.

Она решила воспользоваться сотовым телефоном и сунула руку в карман... но тут же вспомнила, что поставила свой телефон на зарядку. Ну да, когда она вернулась за ним с прогулки, оказалось, что телефон разрядился. И она поставила его заряжаться, а потом снова забыла в коттедже.

И тут она увидела на полу возле стула новенький мобильный телефон. Наверняка это был телефон Шубина, который тот выронил, должно быть, перед самой смертью. С крайне

неприятным чувством Надежда Николаевна наклонилась, подняла телефон с пола и хотела уже набрать на нем нужный номер...

Но тут ее взгляд случайно упал на окно.

Точнее, на закрывающую это окно занавеску.

Занавеска эта была длинная и плотная, почти до самого пола, так что ее уместнее было бы назвать портьерой или, на худой конец, шторой. Но не в названии дело.

Дело было в том, что эта занавеска, или портьера, все же немного не доставала до пола. И там, в этом узком промежутке, Надежда Николаевна увидела мужские ботинки.

Самые обыкновенные летние ботинки, не очень новые, светло-бежевые, с дырочками для вентиляции. Нормальные ботинки, с одной только странной особенностью. Ботинки были на шнуровке, но один был зашнурован подходящим по цвету бежевым шнурком, а другой – коричневым, явно не из того комплекта.

В первый момент в голове у Надежды снова промелькнула глупая и неуместная мысль. Она подумала, как это характерно для мужчин – порвался шнурок и заменил его другим, совсем не подходящим по цвету. Ни одна женщина так ни за что не поступила бы...

Но уже в следующее мгновение эта глупая мысль выветрилась из Надеждиной головы, и ее место занял настоящий, неподдельный и невыносимый ужас.

Надежда поняла, что там, за этой злополучной портьерой, прячется тот, кто убил Шубина, и если он поймет, что обнаружен, – можно не сомневаться, что Надежда тут же разделит судьбу своего невезучего однокашника.

– Мама! – пробормотала Надежда в третий раз за несколько минут и тихонько отступила к двери.

Она старалась не делать резких движений и не выдавать свой ужас, чтобы человек за занавеской не догадался, что он обнаружен. Кажется, это ей удалось, во всяком случае, Надежда благополучно отступила к двери комнаты и просочилась в прихожую.

Здесь она резко развернулась и бросилась наутек. Ей не приходилось так быстро бегать с третьего курса института, когда она сдавала норматив по легкой атлетике.

Выбежав на дорожку, прихотливо извивающуюся между домиками, Надежда сбавила темп, отдышалась и попыталась привести свои мысли в порядок.

Шубин мертв. Больше того – судя по всему, убит. И она, Надежда, можно сказать, застала убийцу на месте преступления. Она его видела. Во всяком случае, видела его ботинки.

Что же из этого следует, и самое главное – что ей теперь делать?

На первый вопрос у нее не было ответа, а вот на второй нашлось целых два. Для начала – нужно сообщить о смерти Шубина администрации пансионата. В конце концов, разбираться с такими трагическими и непонятными событиями – это их забота.

Но сообщить им нужно так, чтобы никто не узнал, что это она, Надежда Николаевна Лебедева, приличная законопослушная женщина, нашла труп, что это она первой оказалась на месте преступления. Если, конечно, не считать убийцу.

Почему это так важно?

А вот почему. Вовсе не потому, что Надежда боялась оказаться главной подозреваемой. Это бы она пережила. Дело куда серьезнее. Если кто-нибудь посторонний узнает, что она была на месте убийства и как-то связана с убитым, – это непременно станет известно ее мужу Сан Санычу, и уж он-то покажет Надежде, где раки зимуют, уж он-то от души попляшет на ее косточках!

Как уж говорилось, муж ее крайне неодобрительно относился к тому, что Надежда Николаевна то и дело ввязывалась в какие-то криминальные истории и изображала детектива-любителя.

Мало того что он вообще не одобрял всякое любительство, считал, что любое дело должны делать исключительно профессионалы, кроме того, он очень боялся за жену, боялся,

что ее нездоровое увлечение частным сыском рано или поздно доведет ее до серьезной беды. Поэтому он неоднократно брал с Надежды самое честное слово, что она больше никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не вяжется в криминал...

Надежда слово давала и честно пыталась его сдержать – но жизнь снова и снова сталкивала ее с детективными загадками, которые ей волей-неволей приходилось распутывать.

И каждый раз Надежда прилагала невероятные усилия, чтобы скрыть от мужа очередную криминальную историю.

Значит, поняла Надежда, как это ни неприятно, нужно сделать анонимный звонок.

И для этого у нее была возможность. Ведь она машинально унесла с места преступления мобильный телефон покойного Шубина, так что, даже если ее звонок отслежат, никто не сможет установить ее личность. Если, конечно, ее не узнают по голосу, а уж она постарается, чтобы этого не случилось!

Надежда Николаевна достала из кармана мобильный телефон Шубина, набрала номер администрации. Ей тут же ответил строгий начальственный голос.

Надежда прикрыла телефон носовым платком, зажала нос и проговорила гнусавым простуженным голосом:

– Проверьте тринадцатый коттедж! Тринадцатый – вы меня поняли? Там что-то произошло!

– Что именно? – озабоченно переспросил ее собеседник. – И кто это звонит?

– Неважно, кто звонит! – перебила его Надежда. – Известный доброжелатель! Проверьте тринадцатый коттедж, и как можно быстрее! Там случилось что-то серьезное!

Не дожидаясь ответа, она отключила телефон.

Теперь этот телефон следовало бы вернуть на место преступления, но Надежде Николаевне страшно было даже подумать о том, чтобы вернуться в коттедж Шубина, страшно было даже подумать о том, чтобы еще раз увидеть его труп. Кроме того, туда уже наверняка спешат люди, взбудораженные ее звонком, и если ее там застукают – конец всей конспирации...

Надежда понимала, что мобильный телефон Шубина – это, возможно, важная улика и вещественное доказательство, которое выведет следствие на причину его убийства, но она ничего не могла поделать и малодушно сунула трубку в карман.

Какое-то время она в растерянности побродила между коттеджами, наконец вернулась к своему домику. Она надеялась, что позвонит муж, а ее телефон стоял на зарядке. Кроме того, ей ни с кем не хотелось встречаться – потому что ее растерянный и перепуганный вид у кого угодно мог вызвать подозрения.

Так или иначе, Надежда пристроилась на диване с книгой.

Муж не звонил.

Надежда водила глазами по строчкам, но ничего не понимала, буквы не складывались в слова, слова не доходили до ее сознания. Перед ее глазами снова и снова вставало землистое мертвое лицо Шубина, его пустые, широко открытые глаза...

И, несмотря на это, Надежда сама не заметила, как заснула.

Ей снилось, что она идет по бесконечной анфиладе больших полутемных комнат, идет все дальше и дальше. Комнаты следуют одна за другой, становится все темнее и темнее, и Надежда прибавляет шаг, чтобы успеть дойти до наступления ночи. Куда дойти, зачем – она не знает, но идет все быстрее и быстрее. Наконец она оказывается в самой последней комнате. Посреди этой комнаты спиной к ней стоит человек. Надежде этот человек кажется удивительно знакомым. Она подходит к нему, дотрагивается до его плеча...

Человек медленно, неторопливо поворачивается – и Надежда в ужасе видит, что у него нет лица.

Вместо лица у него пустой бледный овал без глаз, без носа и рта.

Надежда вскрикнула – и проснулась.

Она лежала на диване в неудобной позе, левая рука затекла, в голове звенело и бухало, как в пустой железной бочке, во рту пересохло. Со стыдом Надежда Николаевна поняла, что причиной всех этих неприятных явлений было не только ее неудобное положение, но и выпитые вечером два коктейля.

В комнате было темно – насколько может быть темно в наших краях в конце мая, перед самым наступлением белых ночей.

И тут в темноте прозвучал мелодичный звук, каким мобильный телефон сообщает о приходе сообщения.

Надежда всполошилась, решив, что это сообщение прислал муж, что с ним что-то случилось и ему немедленно нужна помощь. Она поднялась с дивана, чуть пошатываясь со сна, пошла на звук – и увидела, что ее собственный телефон не светится, а тревожный звук доносится из кармана куртки, где она оставила сотовый Шубина.

Мгновение помедлив, она достала телефон, открыла сообщение.

Текст был какой-то странный:

«Третьего в восемнадцать тридцать около Тургенева».

Ну да, кто-то назначил Шубину встречу, судя по всему, – третьего июня, примерно через неделю. Ну, теперь-то эта встреча не состоится за смертью одного из участников...

Надежда сунула телефон Шубина обратно, перебралась в кровать и, на удивление, быстро заснула.

Проснулась она от пения птиц.

Сладко потянувшись, открыла глаза...

И настроение у нее резко испортилось: Надежда вспомнила, что накануне чуть ли не у нее на глазах убили Шубина.

Кроме того, она вдруг осознала, что то, что она приняла спросонок за звонкие птичьи трели, на самом деле был звонок ее мобильного телефона.

Надежда Николаевна вскочила, всунула ноги в тапки и бросилась к телефону.

Звонил муж, и голос у него был расстроенный и виноватый.

– Надюша, – проговорил он робким неуверенным тоном. – Понимаешь, тут такое дело... возникли неожиданные проблемы... так, ничего особенного...

– Ты нездоров? – переполошилась Надежда Николаевна. – У тебя все в порядке?

– Да у меня-то все в порядке, да на работе проблемы, так что, понимаешь...

Он замолчал, виновато пыхтя в трубку.

– Нет, пока не понимаю, – сухо отозвалась Надежда, хотя на самом деле она уже начала догадываться. Муж должен был как раз сейчас подъезжать к пансионату, и если он вместо этого звонит – это может значить только одно...

И ее подозрения тотчас же подтвердились.

– Понимаешь, мне придется задержаться на работе еще на один день, – выпалил муж, как будто бросился в ледяную воду. – Но вечером... вечером я точно приеду! Так что ты пока отдохни одна, почитай что-нибудь, погуляй, искупайся...

– Искупаться? – как эхо, повторила Надежда. – Да что ты говоришь? Какое купание? Сейчас же май месяц, и мы не на Канарах! Да в такой воде могут купаться только моржи и тюлени!

– Ну, извини, я как-то не сообразил... – залепетал муж. – А сейчас прости, мне нужно работать... я тебе еще позвоню...

– Чем ты там питаешься? Наверняка пельменями! – проговорила Надежда, и в голосе ее строгая интонация в равных частях смешалась с искренней заботой о муже.

Но он уже отключился.

Положив телефон, Надежда задумалась.

Плохо ли то, что муж не приедет утром, или, наоборот, хорошо?

С одной стороны, конечно, плохо. Она по нему соскучилась, делать здесь одной совершенно нечего. И он там питается из рук вон плохо, потому что перед отъездом она вообще отключила холодильник, так что запасов нет никаких.

С другой стороны, в его временном отсутствии есть и определенные плюсы. Во всяком случае, к вечеру разговоры о вчерашнем событии – о внезапной и подозрительной смерти Шубина – могут немного затихнуть, и сама Надежда успокоится, так что муж может не догадаться, что она каким-то образом связана с этим трагическим происшествием.

Так или иначе, Надежда решила отправиться на завтрак, чтобы провести разведку боем и узнать, что говорят о смерти Шубина. Ведь в подобных пансионатах столовая – это главный центр распространения информации, все равно как колодец в средневековом городке.

Однако в столовой было тихо, как обычно. Никто не обсуждал вчерашнюю трагедию, никто не шептался и не шушукался, никто не обменивался многозначительными взглядами.

Надежда села за угловой столик и еще раз оглядела посетителей.

Все были заняты поглощением пищи и тихими, ни к чему не обязывающими разговорами.

В глубине души Надежда была даже разочарована. Она не сомневалась, что все население пансионата и весь персонал только и говорят, что о вчерашнем событии. Тогда она могла бы греть себя тайной мыслью, что знает о нем больше других. Знает, но никому в этом не признается...

А тут – никакого ажиотажа, никаких волнений, никаких обсуждений, как будто ничего и не случилось! Надежде уже захотелось спросить подошедшего к столику официанта, что известно о смерти клиента из тринадцатого номера, и она едва заставила себя промолчать, чтобы не выдать свою осведомленность...

– Вам омлет или яйца всмятку? – спросил официант как ни в чем не бывало.

– Омлет, – машинально ответила Надежда.

Едва отошел официант, к ее столику подошел унылый тип с прилизанными волосами – тот самый, который накануне вечером сидел в баре и оказался невольным свидетелем Надеждиного позора.

– Вы позволите к вам присоединиться? – проговорил он тусклым голосом, вполне подходящим к его внешности.

Надежда выразительно оглядела зал, где было полно свободных столиков, однако пожала плечами:

– Садитесь, я не возражаю!

Унылый тип сел и тут же вполголоса проговорил:

– Ваш приятель, кажется, умер...

– Что? – переполошилась Надежда и даже уронила вилку. – Какой приятель?

– Тише! – шикнул на нее унылый тип. – Не привлекайте к себе внимание! Вам это совсем не нужно!

– Да что вы себе позволяете? – Надежда послушно перешла на шепот. – Откуда вы знаете, что мне нужно и что не нужно? О каком приятеле вы говорите?

– О том, которого вы ждали в баре вчера вечером.

– Откуда вы знаете, что я кого-то ждала?

Унылый тип хотел ей ответить, но тут у него в кармане зазвонил мобильный телефон.

– Извините... – пробормотал он, встал из-за стола и быстро вышел из комнаты.

– Да что он себе позволяет... – пробормотала Надежда. – Да кто он вообще такой?

Она еще немного поковыряла вилкой в тарелке, осознала, что есть совершенно не хочется, и тоже вышла из столовой.

Унылого типа не было видно поблизости.

Надежда побрела куда глаза глядят, обдумывая его слова и собственное положение.

Что он знает и откуда? И что намерен делать? Для чего подсел к ней за столик? Неужели он видел, как Надежда входила в коттедж номер тринадцать, и теперь собирается ее шантажировать?

За своими размышлениями она незаметно пришла на берег озера.

Хотя в мае в нашей полосе купальный сезон еще не открыт, всегда найдется несколько смельчаков, которые торопят события и лезут в самую холодную воду. Так и сейчас – на скамейке возле берега лежала одежда, а над водой, метрах в двадцати от узкого песчаного пляжа, виднелись головы пловцов.

Надежда Николаевна машинально оглядела их, потом перевела взгляд на скамью...

И застыла как громом пораженная.

На самой скамье, как уже было сказано, лежали и висели брюки и футболки купающихся. А на песке возле скамьи стояла их обувь.

И вот эта-то обувь заставила сердце Надежды забиться, как испуганная птица.

Возле скамьи стояли кожаные сандалии, серые замшевые мокасины, белые кроссовки и бежевые летние ботинки в дырочках.

Ботинки как ботинки, не слишком новые, на шнуровке.

Один шнурок был бежевый, в тон самим ботинкам, а вот другой – коричневый, совершенно не подходящий.

В общем, это были те самые ботинки, которые накануне Надежда Николаевна видела выглядывающими из-под портьеры в комнате покойного Шубина.

Ботинки убийцы.

Надежда попятилась, сглотнула и снова перевела взгляд на смелых пловцов.

Их было четверо. Лиц их с такого расстояния Надежда не различала, кроме того, если бы она и различила их – она не смогла бы узнать, кому из них принадлежат роковые ботинки.

Так что у нее был только один способ узнать, кто из них убийца, – дожидаться, пока они выйдут из воды и обуются.

Поэтому Надежда отошла в сторонку, чтобы не выглядеть слишком подозрительно, и сделала вид, что любитесь цветущей таволгой.

При этом она нет-нет да и бросала заинтересованный взгляд на виднеющиеся из воды головы.

Наконец один из пловцов приблизился к берегу и вышел из воды неподалеку от Надежды, отплеываясь и фыркая, как тюлень или морж.

Надежда уставилась на него, прикидывая, может ли он быть владельцем тех самых ботинок в дырочку. Мужчина был крупный, дородный, с обвислыми усами, делающими его еще больше похожим на моржа. Пожалуй, плетеные ботинки будут ему малы. Впрочем, трудно сказать, нужно подождать, пока он обуется...

Пловец перехватил взгляд Надежды и трактовал его по-своему. Он гордо вскинул голову и заиграл мышцами, как культурист на помосте. Надежда почувствовала себя неловко и, чтобы эту неловкость снять, невинным тоном осведомилась:

– Ну, и как водичка?

– Бодрит! – радостно отозвался мужчина. – А вы что же не купаетесь? Очень полезно для здоровья!

Надежда уже хотела что-то ответить, но тут из кустов выскочила низенькая крепенькая женщина с коротко стриженными рыжими волосами и заголосила:

– Вот кобелина! На пять минут одного нельзя оставить! Тут же на каждую юбку бросается! Да вообще уже на старух глядит! Совсем ума решился! – Тут она повернулась к Надежде, подбоченилась и выпалила: – А ты, галоша старая, давно на себя в зеркало глядела? Ты долго думала, прежде чем к моему мужу приставать? Тебе о душе подумать пора, а ты туда же – за мужиками бегаешь!

– Женщина, вы все не так поняли... – пролепетала Надежда, отступая от берега.

– Все я правильно поняла! – не унималась рыжеволосая особа. – Я за тобой давно наблюдаю, стоишь тут на бережку и на мужиков пялишься! А как мой муж вышел, так ты напрямик к нему...

– Женщина, – Надежда снова попыталась спустить конфликт на тормозах, – мне ваш муж совершенно без надобности, у меня собственный имеется...

– Вот и вали к нему, если имеется! – верещала рыжая. – А от моего отвяжись срочно, пока я тебе последние волосы не выдрала! Будешь потом оставшуюся жизнь в парике ходить! Хотя тебе, конечно, жить уже немного осталось!

Надежда Николаевна, ошарашенная таким напором, не смогла найти достойного ответа. А рыжая, расценив ее молчание как свою безусловную победу, снова повернулась к мужу, который растерянно хлопал глазами, и завопила со свежими силами:

– Ты глаза-то обуй! Она тебе в матери годится!

Надежда была настолько выбита происходящим из колеи, что смотрела на все как бы со стороны и отстраненно отметила грамматическую неправильность в словах ревлившей особы: обычно говорят не «обуй глаза», а «разуй». Впрочем, действия рыжей тут же разъяснили причину такого непривычного речевого оборота: она подскочила к своему мужу и надела на него очки.

Тот поморгал глазами, словно настраивая изображение, уставился на Надежду... и его лицо вытянулось.

– Видишь, кобель, перед кем ты тут красовался? – провизжала рыжая. – Да ей сто лет в обед!

– Но ты же знаешь, лапочка, я без очков плохо вижу... – залепетал мужчина. – Если бы я был в очках, я бы ни за что... я бы никогда...

Такого оскорбления Надежда не смогла перенести.

Она залилась краской, развернулась и бросилась прочь, чуть не плача и повторяя себе под нос:

– Да сама-то явно на пенсии, а туда же...

Только дойдя до первых коттеджей, она пришла в себя и вспомнила, что так и не выяснила, кому принадлежат роковые ботинки с разными шнурками.

Надежда Николаевна была от природы женщина твердая, решительная и целеустремленная, ее не так просто было выбить из колеи. И если в первый момент незаслуженное оскорбление, нанесенное ей рыжей мегерой, причинило ей ощутимую боль, то теперь она справилась с собой, восстановила душевное равновесие и решила довести до конца начатое – а именно: разобраться с подозрительной смертью Шубина. А для начала выяснить, кому принадлежат злополучные ботинки. В конце концов, это не так уж трудно сделать: нужно просто проверять обувь всех встречных мужчин, по возможности быстро, пока злоумышленник не избавился от своих приметных ботинок.

Конечно, он уже давно мог это сделать, но Надежда только что своими глазами видела эти ботинки на пляже возле озера, значит, либо ему не пришло в голову, что она их заметила, либо у него просто нет сменной пары обуви, вот он и продолжает в них ходить...

Короче, нужно идти туда, где можно встретить больше людей, и незаметно провести досмотр.

Ноги сами привели ее в главный корпус пансионата.

Если Надежда думала, что встретит здесь много отдыхающих, то она ошиблась. В холле было пусто, только за стойкой ресепшен сидела женщина средних лет с красными глазами, и в дальнем углу тихо разговаривал по мобильному телефону тот самый тип с прилизанными волосами, который то и дело попадался на пути Надежды.

«Ну, хоть его-то проверю», – подумала Надежда.

Проверку нужно проводить систематически, никого и ничего не пропуская.

Тем более что этот человек вел себя очень подозрительно – подслушивал, подглядывал и задавал странные вопросы. Правда, он выглядел хилым и не слишком здоровым, так что трудно было поверить, что это он только что плескался в ледяной озерной воде, но чем черт не шутит...

От дверей, где стояла Надежда Николаевна, ноги прилизанного типа не были видны, и она с деловым видом направилась к стойке.

При этом ее путь как бы случайно прошел мимо глубокого кожаного кресла, в котором сидел прилизанный.

Поравнявшись с креслом, Надежда невольно услышала часть разговора.

– Нет, у меня ничего не выходит... не знаю, что делать с этой женщиной, никаких идей... да, от него я избавился, но это мне ничуть не помогло...

Сердце Надежды тревожно забилося.

Неужели это он, неужели это тот, кто убил Володю Шубина? Но вряд ли убийца стал бы обсуждать свои проблемы по телефону, да еще и на людях... во всяком случае, сейчас она увидит его ботинки и тогда сможет сделать какие-то выводы...

Надежда обогнула кресло и незаметно скосила глаза на обувь прилизанного типа.

На ногах у него были кожаные сандалии, причем, как и следовало ожидать от такого унылого и бесцветного человека, он носил их с носками. Мало того – носки эти были полосатые, в чудовищную красно-зеленую полоску!

«Ну, в конце концов, – подумала Надежда, – это его личное дело, отсутствие вкуса не является уголовным преступлением, главное, что на нем не плетеные ботинки с разными шнурами...»

Тут прилизанный заметил Надежду, поднял на нее глаза, прикрыл трубку ладонью и прошипел:

– Это вы? Что вам здесь нужно?

– Что? – растерянно переспросила Надежда. – Да что вы такое вообразили? Я вот иду к женщине... мне нужно с ней поговорить... имею полное право...

– Ну, так и проходите, куда хотели! – Прилизанный посмотрел на нее волком.

Надежда пожала плечами, подошла к ресепшен и вполголоса проговорила:

– Бывают же такие невоспитанные люди!

Женщина за стойкой вымученно улыбнулась, достала платок, высморкалась и проговорила гнусавым простуженным голосом:

– Да, разные люди попадают... я чем-то могу вам помочь?

– Да, я хотела спросить, нельзя ли получить более легкое одеяло, а то мне под моим жарко.

– Так у вас в коттедже должно быть запасное одеяло, оно в шкафу на верхней полке...

– Да что вы говорите? – притворно удивилась Надежда, которая давно уже обнаружила это одеяло. – А вы простудились, да? Сейчас такая погода обманчивая, вроде тепло, но простудиться ничего не стоит... а простуда – это такая коварная вещь... вот один мой знакомый выпил в жару холодной воды, заболел тяжелым бронхитом, и...

Договорить Надежда не успела: ее собеседница неожиданно разрыдалась.

– Господи! – переполошилась Надежда Николаевна. – Что с вами? У вас что-то случилось?

– Не... не обращайтесь внимания... – проговорила женщина между рыданиями. – Я всегда... всегда плачу... я даже если по телевизору похороны увижу – все равно плачу...

– Но этот мой знакомый... с ним все в порядке, он давно уже выздоровел!

– Да я не из-за него... – прорыдала слезливая женщина. – Я из-за того мужчины...

– Из тринадцатого коттеджа? – догадалась Надежда.

– Да... – прорыдала женщина. – Такой был приятный человек... воспитанный...

– А что с ним случилось?

– Сердце... – Женщина зарыдала еще громче. – Сердечный... приступ... неожиданно...

«Ну уж нет, – подумала Надежда, вспомнив синяки на шее Шубина. – Как хотите, на сердечный приступ это не было похоже!»

Вслух же она проговорила совсем другое:

– Ну, не убивайтесь вы так! Всякое бывает... мужчины – их только называют сильным полом, а на самом деле они такие слабые... им достаточно такой мелочи, чтобы сломаться...

– Да я же говорю: я всегда плачу... – проговорила женщина, постепенно успокаиваясь. – Не обращайтесь внимания... я всегда так, даже в кино плачу...

– А скажите, – Надежда понизила голос. – Его... того мужчину... увезли в город?

Дежурная хотела что-то ответить, но тут в холл быстрыми шагами вошла решительная молодая особа, которая обычно сидела за стойкой.

– Нина Ивановна, – строго обратилась она к слезливой женщине. – Вы опять? Я вас оставила здесь всего на несколько минут, а вы уже... я вижу, что вы...

– Да нет, Вероника, все в порядке... – испуганно залепетала слезливая. – Я только женщине насчет одеяла...

– Вам Валентин Сергеевич сколько раз говорил... Ладно, все, можете идти к себе в бельевую, – сухо проговорила Вероника и с дежурной улыбкой повернулась к Надежде Николаевне: – Я вам чем-то могу помочь?

– Да нет, спасибо, – отозвалась Надежда с такой же фальшивой улыбкой. – Я уже узнала все, что хотела.

Надежда Николаевна вышла из главного корпуса и снова пошла в сторону озера. Ей хотелось поразмышлять в спокойной обстановке. Хорошо было бы, конечно, посидеть где-нибудь в теничке с чашкой кофе, но от бара «Веселый окунь» она теперь будет держаться подальше.

Итак, что она узнала? Что у Шубина был якобы сердечный приступ, отчего он и умер. Ну, мужчина в районе пятидесяти, возраст подходящий... То есть так объявили в пансионате, чтобы отдыхающие не испугались. Кому охота отдыхать, если тут людей убивают? Репутация «Сонаты» будет подпорчена, вот администрация и распорядилась считать смерть естественной. Договорились с полицией, а может, вообще ее не вызывали. А если вызывали, то тем еще и лучше, меньше работы. И только Надежда знает, что Шубина убили. Да еще убийца, тот тип в ботинках с разными шнурками.

С одной стороны, это хорошо, потому что никто не станет болтаться в коттедже, и эксперты не обнаружат Надеждиных отпечатки пальцев, которые она, как полная дура, оставила на телефоне, на ручке двери и еще бог знает где.

С другой стороны, как показали вчерашние события, Володя Шубин вовсе не сумасшедший, ему не чудились непонятные события и плохо узнаваемые люди вокруг. Его проблемы имелись в наличии и объяснялись весьма просто, угрозы были вполне реальны. И наконец, его убили. А можно ведь было это предотвратить...

И теперь Надежда просто обязана разобраться с его смертью. Все-таки человек не посторонний, в институте вместе учились.

Таким образом Надежда Николаевна Лебедева легко убедила себя начать очередное расследование и бодро устремилась вперед.

Однако не успела пройти и десяти шагов, как почувствовала, что натерла ногу. Наверное, возле озера в ее тапочек попал песок, и она это не заметила.

Надежда сменила направление, чтобы зайти в свой коттедж, заклеить потертость пластырем и переобуться. Но когда она уже почти подошла к своему домику, впереди нее на дорожке

показалась знакомая ей парочка – крупный мужчина в очках, любитель плавания в холодной воде, и его темпераментная рыжеволосая супруга.

Она, как обычно, костерила своего мужа, который так же привычно помалкивал:

– Ты, кобелина, ни одной юбки пропустить не можешь! Тебя на пять минут на улицу выпустить нельзя – непременно тут же какую-нибудь лахудру подцепишь! Я тебя скоро на поводке водить буду, со строгим ошейником!

Надежде вовсе не улыбалось попасть под горячую руку ревливой мегере, и она юркнула в кусты, решив войти к себе в коттедж сзади, через веранду.

Миновав заросли жасмина, она вышла к задней стороне своего коттеджа и замерла на месте.

Позади коттеджа, там, куда выходила веранда, была уютная, со всех сторон окруженная кустами полянка. На этой полянке стояли два пластмассовых садовых кресла, мангал, на котором можно было при желании готовить шашлыки, и садовая скульптура – веселый добродушный гном в полосатом колпачке.

Но теперь этот гном был не одинок: рядом с ним стоял невысокий мужчина лет сорока – сорока пяти, в бежевой клетчатой рубашке и мятых серых брюках. Ничем не приметный мужчина. Встретив такого на улице, Надежда не обратила бы на него внимания и через секунду забыла бы его. Но была в нем одна существенная деталь, которая заставила сердце Надежды взволнованно забиться.

Это были его ботинки.

Поношенные бежевые ботинки в дырочку, зашнурованные шнурками разного цвета.

Впрочем, было в нем еще кое-что не совсем обычное.

Мужчина в бежевых ботинках явно собирался проникнуть в коттедж Надежды Николаевны. Причем ясно было, что он делает это не по ошибке, не потому, что перепутал ее домик со своим.

В его действиях чувствовалась несомненная профессиональная сноровка.

Владелец бежевых ботинок достал из кармана складной перочинный нож, открыл одно из лезвий, вставил его под край рамы и, ловко отжав шпингалет, открыл форточку. Затем он запустил туда руку, дотянулся изнутри до двери и открыл задвижку.

Тут в душе у Надежды разыграло праведное негодование.

Забыв, что она имеет дело с опасным преступником, возможно, даже убийцей, не рассчитывая свои силы и не думая о последствиях, она бросилась вперед, схватила первое, что попало ей под руку, – это оказался добродушный садовый гном – и налетела на взломщика.

– Ах ты, ворюга! – воскликнула Надежда и с размаху огрела незнакомца гномом по голове.

К счастью, гном оказался внутри пустотелым. Иначе нападение Надежды могло завершиться трагически. Но и так мужчина рухнул в траву перед домом как подкошенный.

Увидев результат своего удара, Надежда опомнилась, опустилась на колени и проверила пульс незнакомца, невольно вспомнив, как меньше суток назад точно так же проверяла пульс у Володи Шубина...

К счастью, пульс был, причем ровный и отчетливый. Злоумышленник был жив, он просто временно отключился.

И тут Надежда поняла, что может использовать сложившуюся ситуацию, чтобы раскрыть тайну подозрительной смерти Шубина.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что ее никто не видит, она втащила злоумышленника на веранду, пристроила в уголке, облокотив спиной на стенку, нашла в своей тумбочке моток скотча, стянула этим скотчем руки мужчины за спиной, так же связала его ноги и только после этого принесла чашку холодной воды и выплеснула на голову своего пленника.

Мужчина фыркнул, закашлялся и открыл глаза.

Надежда состроила самую зверскую физиономию, на которую была способна, и проговорила суровым непреклонным голосом:

– За что ты убил Володю?

– Что? – переспросил мужчина хриплым голосом. – Какого Володю? Дамочка, вы что вообще творите? Вы мне чуть голову не разбили! Разве же так можно?

– Это я творю? – Надежда задохнулась от возмущения. – Ох, слабо же я тебя приложила! Ты не забыл, что только что пытался вломиться ко мне в дом? И это еще цветочки! Вчера я видела тебя на месте преступления! На месте убийства! Все, я звоню в полицию! Вот они будут довольны – я им поднесу убийцу на блюдечке!

С этими словами Надежда достала мобильный телефон и начала набирать номер.

– Пойдите, дамочка, пойдите! – взмолился связанный злоумышленник. – Вы все не так поняли!

– Во-первых, я тебе не дамочка! – оборвала его Надежда Николаевна. – А во-вторых, как еще это можно понять? И вчера, и сегодня я застала тебя прямо на месте преступления! Вчера, правда, я видела тебя, так сказать, не целиком. – Она покосилась на злополучные ботинки. – Но этого, я думаю, для полиции будет достаточно!

Несмотря на звучащий в ее словах гнев, Надежда не спешила нажимать на кнопку вызова.

Злоумышленник заметил это и сделал соответствующие выводы.

– Ну ладно, *недамочка*, я вам все расскажу, только сначала вы меня развяжите.

– И не подумаю! – отрезала Надежда Николаевна. – За кого ты меня принимаешь? Я тебя развяжу, а ты меня потом... я видела, как ты обошелся с Шубиным!

– Это не я! – испуганно воскликнул злоумышленник. – Клянусь вам, это не я!

– Так я тебе и поверила! – хмыкнула Надежда. – Давай выкладывай все начистоту – или я немедленно звоню в полицию!

– Я – частный детектив, – проговорил наконец мужчина.

– Так я тебе и поверила! – повторила Надежда.

– Не верите – посмотрите на мое удостоверение! Оно здесь, в кармане рубашки. – Мужчина показал глазами на карман.

Надежда опасливо наклонилась над ним, залезла в карман и достала залитую прозрачным пластиком карточку. На этой карточке красивым шрифтом было написано:

«Мухин Василий Николаевич. Частный детектив. Лицензия номер такой-то».

Ниже стояли какие-то подписи и печати.

– Откуда я знаю, что оно настоящее, – проворчала Надежда. – Сейчас в переходе метро какие только документы не продают!

– Настоящее, – заверил ее Мухин. – Уверю вас, я бы не стал ходить с фальшивкой. Себе дороже.

– И что же вы, детектив Мухин, собирались делать в моем коттедже?

– Уверю вас, лично к вам у меня никаких претензий. Дело в том, что мне поручили одно дело...

Он замолчал.

– Я слушаю! – строго процедила Надежда.

– Вы поймите, – с тоской в голосе ответил детектив, – я не имею права разглашать детали дела... клиент доверился мне, и я не должен обманывать его доверие...

– Ну ладно, тогда я звоню в полицию... – Надежда снова поднесла к уху телефон.

– Пойдите! – взмолился Мухин, и на его лице отразилось подлинное страдание. – Не надо, не звоните!

– А что это вы так боитесь полиции? – насторожилась Надежда. – Если вы не совершили ничего противозаконного...

– Я-то не совершил, но полиция... они поднимут шум, и тогда на моем деле можно будет поставить крест...

– Рассказывайте! – строго потребовала Надежда. – Рассказывайте все или, сами понимаете...

– Ну ладно... – Детектив тяжело вздохнул. – Меня нанял человек, у которого украли очень важные и ценные документы. И мне поручили эти документы найти и вернуть хозяину.

– Какие документы? – осведомилась Надежда.

– Честно говоря, я и сам этого не знаю. Заказчик мне не сказал, да я особо и не настаивал. Знаете хорошее правило – меньше знаешь, крепче спишь. Кстати, в нашей профессии это правило особенно актуально. Никогда не нужно знать ничего лишнего. Мне известно только, что эти документы очень ценные. И еще известно, как они выглядят. Это все, что нужно для моей работы.

– То есть вам поручили, как в сказке: пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что.

– Как раз, куда нужно идти, мне известно. Мне удалось перехватить обмен электронными сообщениями между похитителем и человеком, который хочет купить у него эти украденные документы. То есть, проще говоря, между продавцом и покупателем. Из этих сообщений я узнал, что они должны встретиться здесь, в этом пансионате, чтобы обменять документы на деньги.

– Почему именно здесь? – недоверчиво спросила Надежда. – Не самое подходящее место для конспиративной встречи!

– Не знаю, – честно признался детектив. – Возможно, им этот пансионат показался достаточно безопасным местом. Короче, я приехал сюда, чтобы помешать продаже этих документов, а в идеальном варианте заполучить их и вернуть хозяину...

Детектив вздохнул.

– Продолжайте, – сухо проговорила Надежда. Пока она не очень-то верила Мухину.

– Сложность заключается в том, что я не знаю в лицо ни покупателя, ни продавца. Знаю только время и место их встречи и еще знаю, как выглядят похищенные документы. Вот мне и приходится проверять всех постояльцев, одного за другим. Обыскивать их коттеджи в поисках украденных документов.

– Всех-всех? – уточнила Надежда. – Это же займет бог знает сколько времени!

– Вы правы, это очень долго. Ну, я все же решил для начала ограничить свои поиски только одинокими людьми. Поэтому Шубин оказался в моем списке одним из первых.

– А ко мне-то вы зачем полезли?

– Ну, а чем вы лучше остальных? Я ведь ничего не знаю про похитителя, не знаю даже, мужчина он или женщина, так что приходится проверять всех...

– Да, но вы же только что сказали, что решили начать с одиноких людей!

– А вы разве не одна? Ходите тут, все разнюхиваете, выведываете... как раз вы мне показались очень подозрительной!

«Вот так вот, – грустно подумала Надежда. – До чего я дожила! Меня уже считают одинокой женщиной!»

Вслух она сказала совсем другое:

– Вовсе я не одна. Я сюда с мужем приехала, да вот муж неожиданно сбежал на работу...

Она тяжело вздохнула. Развивать эту грустную тему перед посторонним человеком ей совсем не хотелось. Достаточно того, что она сама это прочувствовала.

– Да что вы говорите? – переспросил детектив. – Здесь я, конечно, недоработал... так вы, значит, замужем? А кто у вас муж? Чем он занимается?

– Постойте! – спохватилась Надежда. – Что вы себе позволяете? Здесь я задаю вопросы, а вы на них должны отвечать! И в первую очередь меня интересует, что вы вчера делали в коттедже Шубина. Если не забыли, я вас там застала буквально на месте преступления. И пока

не услышала от вас никакого правдоподобного объяснения этому факту. Так что, если вы не хотите, чтобы я сдала вас полиции, – потрудитесь мне все объяснить. Причем не советую врать...

– Зачем мне врать? – Мухин вздохнул. – Как я вам уже сказал, ваш друг Шубин был одним из первых в моем списке.

– Почему? – невольно заинтересовалась Надежда. – Чем он вас заинтересовал?

– Ну, он приехал один и явно не для отдыха. Не купался, не загорал, не играл в бильярд, не ухаживал за женщинами. Согласитесь, это наводит на определенные подозрения. При этом нервничал – оглядывался по сторонам, шарахался от каждой тени... И вот я дождался момента, когда его не будет дома, и проник в его коттедж...

Детектив открыл дверь коттеджа отмычкой, пробрался внутрь и приступил к планомерному обыску. Он уже обыскал жилую комнату, не нашел там ничего интересного или подозрительного и начал обследовать ванную, как вдруг на пороге коттеджа раздались шаги, и в двери заскрежетал ключ.

Мухин застыл, прислушиваясь, и скоро понял, что не вовремя вернулся хозяин коттеджа. Ему ничего не оставалось, как спрятаться в ванной и дожждаться удобного момента для побега. Он забрался в душевую кабинку и задернул пластиковую шторку.

Шубин долго ходил по комнате, что-то переставлял и передвигал. Наконец он утомился, и детектив хотел было выскользнуть в коридор и сбежать, но тут на пороге коттеджа снова раздались шаги, и в дверь позвонили.

Шубин подошел к двери и спросил:

– Кто здесь?

– Я мастер, – раздался из-за двери незнакомый мужской голос. – Мастер Черенков. Меня прислали починить ваш телефон.

– Телефон? – переспросил Шубин. – Но он работает!

– А вы проверьте, сегодня несколько человек жаловались, какая-то общая неисправность.

Шубин прошел в комнату, снял телефонную трубку, потом снова вернулся к двери.

– Телефон и правда не работает, – проговорил он с прежним недоверием, затем, судя по звукам, достал мобильный телефон и позвонил на ресепшен.

– Вы посылали телефонного мастера в тринадцатый коттедж? Ах, посылали... а фамилия его какая? Ах, Черенков...

Видимо, ответ дежурной удовлетворил Шубина. Щелкнул замок, брякнула дверная цепочка – должно быть, Шубин разглядывал посетителя через полуоткрытую дверь. Судя по всему, внешний осмотр его также удовлетворил.

– Ладно, заходите...

В коридоре послышались тяжелые шаги, которые удалились в комнату. Некоторое время было тихо, затем детектив услышал удивленный возглас Шубина:

– Что это вы...

После этого послышались звуки какой-то возни, глухой звук падения чего-то тяжелого, торопливо удаляющиеся шаги, скрип двери, и снова все затихло.

Детектив удивленно прислушивался, но в коттедже больше ничего не происходило.

Минуты проходили за минутами, но ни один звук не нарушал тишину. Наконец детектив не выдержал неизвестности и бесшумно выскользнул из своего укрытия. Выбравшись в коридор, он хотел было покинуть коттедж, но напоследок решил все же узнать, куда подевался Шубин и что вообще произошло.

Он подкрался к приоткрытой двери комнаты и осторожно заглянул в нее. От порога ему была видна только ссутулившаяся спина Шубина. Он решил уйти, но что-то в позе обитателя коттеджа показалось ему подозрительным.

То есть он мог вполне определенно сказать, что именно: ему не понравилась абсолютная неподвижность человека в кресле. Живые люди никогда не бывают настолько неподвижными, они нет-нет да пошевелиются, поведут плечом, поправят волосы, почешут затылок, в конце концов, просто вздохнут...

Детектив подождал еще минуту, две, три – но Шубин был все так же неподвижен. Тогда он решительно вошел в комнату, подошел к Шубину, заглянул в его лицо – и худшие его опасения подтвердились: Шубин был мертв. Абсолютно и окончательно мертв.

Ситуация становилась все опаснее: если кто-нибудь застанет детектива рядом с трупом – его непременно посчитают убийцей. А это никак не входило в его планы.

Пришлось на ходу эти планы скорректировать.

Детектив наскоро протер все поверхности, которых касался, чтобы уничтожить отпечатки пальцев, и только было собрался незаметно покинуть коттедж, как снова услышал шаги на крыльце. Шаги замерли, и раздался неуверенный стук в дверь.

Мухин замер, не издавая ни звука.

Он надеялся, что неизвестный посетитель поймет, что в доме никого нет, и уберется восвояси – но не тут-то было: еще раз постучав, неизвестный открыл дверь и вошел в коттедж.

Прятаться в ванной было уже поздно.

Детектив заметался по комнате и не нашел ничего лучше портьера на окне. Он скользнул за эту портьеру и замер.

Прямо перед ним был просвет, через который можно было видеть комнату – и Мухин увидел, как туда вошла женщина средних лет. Остановившись на пороге комнаты, женщина обратилась к спине Шубина и с глубоким возмущением высказала ему свои претензии, из которых детектив понял, что эта женщина – знакомая покойного и что она ждала его в баре и не дождалась.

Шубин само собой ничего ей не ответил, чем вызвал еще большее возмущение своей знакомой.

Как прежде сам детектив, она пересекла комнату, подошла к неподвижному Шубину и тронула его за плечо.

Детектив ожидал, что, увидев труп, женщина либо грохнется в обморок, либо завизжит дурным голосом и пустится наутек.

Оба эти варианта его вполне устраивали, потому что давали ему возможность незамеченным выскользнуть из коттеджа.

Но женщина повела себя непредсказуемым образом. Она, правда, вскрикнула от испуга (а кто бы не вскрикнул на ее месте), но после этого не упала и не сбежала. Она проверила пульс на руке Шубина, затем – на его шее. Окончательно убедившись, что тот мертв, сняла трубку с телефонного аппарата. Тот, очевидно, не работал, потому что женщина положила трубку на место, огляделась по сторонам. При этом Мухину показалось, что ее взгляд на какую-то долю секунды остановился на портьере, за которой он прятался.

Детектив снова ожидал оглушительного визга – но ничего подобного не произошло. Вместо этого женщина попятилась и тихонько покинула коттедж.

– Вот как оно все было, – закончил детектив свой рассказ. – Тогда-то я и решил, что вы – личность подозрительная. Слишком уж спокойно и сдержанно вы себя вели. Прямо как профессионал. Поэтому я и решил обследовать ваш коттедж.

– Понятно, – проговорила Надежда. – Ну что ж, пока все сходится с тем, что я видела. Может быть, вы и не врете. Но тогда, получается, Шубина убил здешний мастер.

– Похоже на то... – согласился с ней детектив. – Ну может быть, теперь вы меня наконец развяжете? А то у меня руки совсем затекли, того и гляди, нарушится кровообращение...

– Ладно, – проговорила Надежда после недолгого раздумья. – Так и быть, я вас развяжу... может быть, это и легкомысленно с моей стороны, но почему-то я вам верю.

– И правильно делаете! – не удержался детектив.

– Думаю, вы тоже поверите мне, если я скажу, что не имею отношения к украденным документам и вообще ничего о них не знаю.

– Да я на вас особенно и не думал, – признался детектив. – Заподозрил только, когда увидел, как спокойно вы обращались с трупом. Но теперь вижу, что у вас вообще твердый характер. Только вы уж поскорее меня развяжите...

– Развяжу, развяжу! Только вот что, – протянула Надежда, прежде чем освободить его. – Давайте договоримся объединить наши усилия. Вам нужно найти документы своего заказчика, а я хочу выяснить, кто убил Шубина. Так что, если вам удастся узнать что-то по моему делу, вы поделитесь со мной, а я со своей стороны обещаю поделиться с вами, если узнаю что-то по вашему заданию...

– Я всей душой... – согласился детектив.

Мухин удалился нетвердыми шагами, почесывая голову и бормоча что-то нелестное. Надежда наскоро прибрала комнату, выбросила использованный скотч и задумчиво поглядела на телефон. Если просто выдернуть вилку из розетки... нет, пожалуй, этого недостаточно. Некачественная работа.

Она вооружилась пилочкой для ногтей и мигом разобрала телефонный аппарат. Не до конца, конечно, а просто чтобы можно было влезть внутрь. И там слегка испортила пару контактов. С удовлетворением убедившись, что телефон не работает, Надежда позвонила по мобильнику в администрацию пансионата.

– У меня в коттедже не работает телефон! – заговорила она скандальным голосом.

– Да что вы? – приветливо ответила девушка на том конце. – Может, вилка из розетки выпала? Вы проверьте!

– За кого вы меня принимаете? – обиделась Надежда Николаевна. – По-вашему, я совсем безграмотная? По-вашему, я неспособна вилку в розетку воткнуть?

Красноречивое молчание на том конце говорило о том, что такие случаи бывали.

– Это безобразие! – Надежда добавила в голос децибел. – Платим такие деньги за проживание, а что имеем? Телефон не работает, кондиционера нету, одеяло куда-то подевалось...

– Хорошо, я пришлю вам мастера в течение дня...

– Не в течение дня! – заорала Надежда так громко, что с куста сирени в испуге сорвались две синички. – Не в течение дня, а немедленно! Потому что я важного звонка жду. Из Череповца! И если телефон не починят, я буду жаловаться!

– Хорошо, ждите. – Девушка поскорее отключилась.

Надежда переделалась в яркую блузку в цветочек и взлохматила волосы. Блузку подарила близкая подруга Алка, она вообще обожала все яркое и разноцветное. Муж, увидев блузку, поскорее отвернулся. Надежда же, вспомнив, что пригласила Алку в гости, решила прихватить дареную вещь с собой. А то Алка обидится, что она блузку не носит. А так один раз надеть можно.

Вот теперь блузка оказалась как нельзя кстати. Надежда подвела глаза так, чтобы они казались круглыми, накрасила губы сердечком и выглядела довольно глупо. Чего и добивалась.

Минут через сорок явился в коттедж парень в аккуратном синем комбинезоне. На одном кармашке у него было вышито слово «Соната», а на другом – имя Алексей. Парень был совсем молоденький, самое большее лет восемнадцати, курносый, конопатый, с розовыми, выразительно оттопыренными ушами.

– Ну, что у вас не работает? – спросил он солидным баском, да только хотел так сказать, а голос сорвался.

– Телефон, а вы разве по какому-то другому вопросу? – удивилась Надежда.

Парень отчего-то тяжело вздохнул и приступил к телефону. Прежде всего он подергал шнур. Затем отсоединил аппарат от розетки, послушал в трубку, потом снова воткнул вилку и снова послушал. Надежда наблюдала за ним молча.

Парень покрутил аппарат, зачем-то переставил его со столика на подоконник, после чего снова послушал в трубку. Должно быть, надеялся, что неисправность устранилась сама собой. Потом достал из кармана гаечный ключ и положил его вместо снятой трубки. Покрутил головой, снова подвигал аппарат и сказал, опять пустив петуха:

– Тут я ничего не вижу, нужно общий щиток проверить. Или на линии неисправность.

Надежда, которая прекрасно знала, в чем заключается поломка, встала в дверях, поскольку парень собрался уходить.

– Послушай, Алексей, – заговорила она, – ты уж меня извини, но вижу я, что ты в телефонах ничего не понимаешь. Ни за что не поверю, что нет у вас в пансионате нормального специалиста. Все ж таки приличный пансионат...

– Ваша правда, – согласился парень с тяжелым вздохом, – у нас по этому делу дядя Паша.

– Это кто ж такой?

– Дядя Паша Черенков, мой дядька двоюродный. Он тут на все руки – и по электричеству может, и телефон починить. И насчет сантехники тоже... Руки золотые, только запойный он... Так что меня взял помогать. Учись, говорит, Леха, пока я жив!

– А чего ж ты не учишься?

– Да я... вот только недавно работаю. Пока траву кошу, кусты подстригаю... для этого моей квалификации вполне хватает. А сегодня дядя Паша на работу не вышел. И найти его нигде не могут. Ну, мне Вероника, что на ресепшен сидит, и говорит – сходи, проверь, может, эта тетка по глупости сама телефон отключила. Бывают, говорит, такие дуры... Ой!

Леша сообразил, что его непосредственность может Надежде не понравиться, и замолчал.

– Дядя Паша, значит, Черенков... – пробормотала Надежда, – а куда же он делся-то?

– Ну, мы так подумали, что в запое он, – неуверенно ответил Леша, – бывает у него. Только обычно запой у него раз в три месяца случаются, а он только на прошлой неделе вышел, так что ему еще не время, еще месяца два должен поработать...

– Вот как? А где он пьет-то?

– Да дома обычно. А тут тетя Зина, жена его, ругается – пропал, дурак старый, где-то, запил и до дому не дошел! А вы, собственно, почему интересуетесь?

– Да я так просто, для разговора... – отмахнулась Надежда, – ну, иди уж Леша, может, и правда на линии поломка...

Восстанавливая испорченный телефон, Надежда раздумывала над услышанным. Значит, убийца каким-то образом испортил телефон в тринадцатом коттедже. Скорей всего, подобрался к центральному щитку. Туда наверняка кто угодно попасть может. После чего позвонил в администрацию, представился Шубиным и заявил, что у него не работает телефон. Ему пообещали прислать дядю Пашу, то есть мастера Черенкова. И прислали.

Теперь возникают два вопроса. Первый: действительно Черенков убил Шубина? Или же это сделал кто-то другой, прикрывшись именем Черенкова? И второй: где же в таком случае сам дядя Паша Черенков, если не найти его ни дома, ни на работе...

Елизавета Голощапова была женщина с очень тонкой душевной организацией. Она вся была наполнена чувствами и эмоциями. Она так глубоко переживала любой пустяк, то есть это только равнодушный поверхностный человек мог посчитать пустяком, например, трогательный полевой цветок, чудом пробившийся сквозь асфальт, или божью коровку, по случайности залетевшую в окно.

Елизавета непременно ловила легкомысленное насекомое и выпускала его на волю, а перед цветком надолго замирала в умилении, мешая прохожим. Она способна была распла-

катся над мертвым голубем на дороге, она непременно прижималась к каждой березке, поглаживая ее кору нежно-нежно.

Как-то раз она пыталась прижаться также к сосне, но вымазала руки и платье в смоле, а на рябине сидела стайка дроздов, которые обсыпали непрошеную гостью ягодами, и не только ими. С тех пор Елизавета любила только березы.

Елизавета очень страдала от всеобщего непонимания. Муж, этот черствый равнодушный человек, интересовался только футболом и примитивными компьютерными играми. Он практически каждый день просиживал у телевизора с пивом и чипсами некоторое время после ужина и засыпал тут же, в кресле.

Елизавета давно уже перестала убеждать его в корне изменить свою жизнь, он только отмахивался. В конце концов, она убедилась, что в свое время сделала огромную ошибку, выйдя замуж за этого грубого бесчувственного мужлана, по молодости не разглядев в нем примитивного индивидуума, думающего только о том, как вкусно поесть и мягко поспать. И зрелища все какие-то муж любил примитивные – футбол, хоккей, передачи про путешествия.

Сама Елизавета телевизор не смотрела, считая это занятие недостойным тонкой чувствующей натуры, она коротала вечера за книгами. Хозяйство вела свекровь, давно уже махнув рукой на невестку, та утверждала, что ей все равно, что есть, что сыта она будет черным сухариком, но борщи, рассольники и кулебяки с мясом, приготовленные свекровью, ела с большим аппетитом.

Не зря говорят, что надежда умирает последней. Елизавета терпеливо ждала, что отыщется человек, способный понять ее и сделать счастливой. И наконец судьба послала ей долгожданную встречу.

Семен Востриков был человек романтического склада. Он любил тихую музыку ретро, горящие свечи и стихи про любовь. Но эти свои пристрастия Семен был вынужден скрывать от всех, в первую очередь от жены. А также от коллег.

Работал Семен продавцом в большом магазине импортной сантехники, работой своей тяготился, потому что она совершенно не соответствовала его высоким внутренним устремлениям и душевным склонностям. Еще больше тяготился он женой – этой ужасной женщиной с пошлыми, низменными интересами.

У нее было в жизни две задачи: пилить мужа за то, что в доме мало денег, и коллекционировать всевозможную кухонную технику – самые современные комбайны, мультиварки, блендеры, тостеры, ростеры и мясорубки. Все это Семен приобретал в соседнем с ним магазине с большой скидкой.

Надо сказать, что техника не пылилась на полках, жена обожала ее использовать и все свободное время проводила в Интернете, обмениваясь рецептами. Потом сама же и съедала все приготовленное, так что весила без малого центнер.

Нет, определенно жена его не понимала и могла грубо растоптать романтические устремления Семена, если бы он ей хоть намекнул об этом. Приходилось страдать молча.

Но Семен верил, что когда-нибудь ему повезет, и он встретит Настоящую женщину, которая с благодарностью примет и его чувства, и стихи, которые он тщательно заучивал наизусть, пряча потрепанный томик в туалетном шкафчике.

И вот такой день настал. Ничто не предвещало судьбоносной встречи, если не считать того, что с самого утра шел дождь, и Семен забыл зонтик. Он промок, пока бежал от метро, рубашка быстро высохла, но ботинки при ходьбе издавали неприличные хлюпающие звуки. Продавцы громко хихикали за его спиной, директор морщился, как от зубной боли, и уходил в кабинет.

Семен изнывал и маялся, с неизбывной тоской глядя на мокрую улицу за окном, но вдруг дверь открылась и вошла Она. Хрупкое воздушное создание.

Елизавета поссорилась с мужем – с этим черствым, равнодушным человеком. Был выходной, и с утра он, оказывается, собирался в хозяйственный магазин присмотреть кое-что насчет ремонта. Елизавете же никуда не хотелось ехать в такую ужасную погоду. Ей хотелось свернуться калачиком на диване и помечтать о том, кого она рано или поздно встретит. И тогда жизнь ее волшебным образом изменится.

Но муж настоял на своем, и они поехали. Он ворчал на нее всю дорогу, наверняка подученный свекровью, и наконец у Елизаветы лопнуло терпение, и она выскочила из машины на перекрестке.

Был жуткий ливень, и она тотчас пожалела о своем порыве, но муж уже тронул машину с места. Видимо, он решил отучить ее от таких порывов. Зонтика у Елизаветы не было, так что пришлось нырнуть в первый попавшийся магазин.

И тут кто-то тронул ее за рукав. Она обернулась – и словно молния проскочила между ними. Это ОН, поняла Елизавета.

Их роман развивался стремительно. Не было времени на ухаживания, приходилось хитрить и скрываться, что было противно их нежным и тонким натурам.

Семен, однако, обрел решимость и силу, от любви у него за спиной выросли крылья, и он значительно улучшил свои производственные показатели, так что директор, подумывающий уволить этого чудака, мнение свое переменял и даже выдал ему в конце месяца дополнительный и весьма ощутимый бонус к зарплате.

Бонус этот Семен зажил от жены, наврал ей, что его посылают в командировку для обмена опытом, и купил две трехдневные путевки в пансионат «Соната». Елизавета, со своей стороны, сказала своим, что едет погостить к подруге, потому что в доме форменный кавардак из-за ремонта, а у нее аллергия на строительную пыль.

Итак, влюбленные прибыли в пансионат в целях конспирации каждый по отдельности. Настроение у обоих было чудесное. Впереди у них были три прекрасных дня, когда они смогут побыть только вдвоем, и Лиза расскажет ему про свои чувства и переживания, и Сеня не станет смеяться, а выслушает ее со вниманием; и вместе пожалеют они бабочек, что летят бездумно на огонь, и лягушку, которая закончила свои дни, неосторожно выскочив под колеса проезжающей машины. А Сеня прочитает ей стихи, выученные тайком, и ужинать они будут исключительно при свечах, что создает неповторимую романтическую атмосферу, и гулять они станут по таинственным тенистым тропинкам, взявшись за руки, и сидеть на берегу в сумерках, а желтая луна, похожая на огромный лимон, будет отражаться в темной воде озера.

Они наговорятся всласть, надышатся друг на друга, а потом будут целоваться, и Лизины волосы будут пахнуть речными цветами, а Сенины руки будут сильными, но нежными...

Этим же вечером Сеня и Лиза отправились на романтическую прогулку. Ноги сами привели их на берег озера – подальше от шумных многолюдных компаний, яркого света и громкой современной музыки. Они уселись на деревянных мосточках и застыли, глядя, как перебегают по воде легкая рябь.

– Ты слышишь, Сенечка, как чудесно поет соловей? – проговорила Лиза, положив голову на плечо своего возлюбленного.

– Слышу, Лизонька! – ответил тот с придыханием. – А слышишь ли ты, Лизонька, как громко бьется мое сердце?

– Слышу, Сенечка!

– А знаешь ли ты, Лизонька, отчего оно так громко бьется?

– Нет, отчего же? – И Лиза с ожиданием подняла на него свои затуманенные глаза.

– От любви, Лизонька! – проговорил Сеня с глубоким чувством.

– Я так счастлива... – прошептала Лиза. – У нас с тобой впереди еще целых три дня, три дня полного, ничем не омраченного счастья! Как же я благодарна судьбе за него!

– А знаешь, Лизонька, о ком я сейчас думаю? Я думаю о нем, о твоём муже, о том грубом и жестоком человеке, который ничуть не ценит сокровище, которое ему досталось! Бедная, бедная Лиза!

– Не говори о грустном... – вздохнула его спутница. – Ты же помнишь, как печально оборвалась жизнь Бедной Лизы! Она потеряла свою любовь и бросилась в озеро... наверное, такое же, как это!

– Ах, дорогая моя! – умилился Сеня. – Как чудесно, что у нас с тобой столько общих интересов! Я могу поговорить с тобой обо всем... о литературе, о музыке, о театре... не то что с этой грубой, ограниченной женщиной, с моей женой! Ее ничто не интересует, кроме еды и домашнего хозяйства! Имя Бедной Лизы для нее – пустой звук!

– Или Офелии... – подхватила Лиза. – Помнишь, как она лежала в воде, увитая цветами?

– Помню ли я? – воскликнул Сеня с глубоким чувством. – Конечно, я помню! Офелия, о нимфа!

– Офелия... – повторила Лиза каким-то странным тоном и уставилась на что-то поверх Сениного плеча.

– Офелия, о нимфа, помяни мои грехи в своих молитвах... – продекламировал Сеня по инерции, не заметив странного тона возлюбленной.

– Офелия... она там, в воде! – испуганно проговорила Лиза, вцепившись в локоть своего спутника.

– Что ты, Лизонька! – Сеня удивленно покосился на нее. – Тебе, должно быть, показалось!

– Да вон же она, вон...

Лиза показала на темную воду возле мостков. Сквозь нее действительно проступило человеческое лицо.

В первый момент Сене показалось, что это и впрямь прекрасное лицо несчастной Офелии, обрамленное венком из белых речных лилий. Но затем, под воздействием каких-то природных сил, тело поднялось выше, ближе к поверхности воды, и стало видно, что в озере плавает вовсе не прекрасная юная дева. Лицо утопленницы (скорее – утопленника) было опухшим и безобразным, того отвратительного белесого цвета, какой приобретает человеческая плоть после нескольких часов, проведенных в воде, и обрамлено оно было не белыми лилиями, а буро-зелеными прядями водорослей.

Как будто этого было недостаточно, утопленник тянул вперед большие белесые руки с грубыми корявыми пальцами, растопыренными, как рачьи клешни, как будто хотел ухватить кого-нибудь и утащить в подводное царство.

– Ой! – вскрикнула Лиза в ужасе и крепче вцепилась в своего возлюбленного.

Семен, однако, не проявил должного сочувствия к спутнице. Напротив, он оттолкнул ее и припустил вверх по склону, чтобы как можно дальше убежать от ужасного утопленника.

Бедная Лиза вскрикнула, не удержалась на ногах и упала в воду, прямо в объятия бледного монстра. Она издала дикий, отчаянный вопль. Неизвестно, чем в большей степени объяснялось ее отчаяние – ужасом от холодного прикосновения утопленника или подлым вероломством возлюбленного.

Семен, даже услышав вопль несчастной Лизы, не бросился к ней на помощь. Наоборот, он только прибавил ходу и через минуту скрылся за кустами.

Казалось, утопленник добился своего и вот-вот утянет несчастную женщину на дно, в безмолвное царство смерти. Однако, к счастью, на крик Лизы тут же сбежалось несколько человек, находившихся неподалеку от озера. Кто-то ловил рыбу, кто-то прогуливался вдоль берега, кто-то просто покуривал, сидя в привязанной лодке.

Первым к берегу подбежал крупный мужчина в очках. Он бросился в воду и тут же вытащил Лизу на берег вместе с распухшим трупом, который вцепился в нее, как будто не желал

расставаться со своей добычей. Добровольный спасатель с трудом расцепил руки утопленника, оттащил женщину в сторону и принялся делать ей искусственное дыхание. Лиза быстро пришла в себя, но она тряслась, визжала и повторяла что-то бессмысленное. Тогда мужчина как следует встряхнул ее и пару раз ударил по щекам. Зубы Лизы клацнули, и ее глаза приобрели осмысленное выражение. Она обняла своего спасителя, прижалась к его широкой груди и зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.